

Министерство образования Российской Федерации
Омский государственный педагогический университет
Сибирский региональный вузовский центр по фольклору
на базе Омского государственного педагогического университета
Омский филиал Объединенного института истории, филологии
и философии Сибирского отделения Российской Академии наук
Фольклорная комиссия вузов России

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОИСКИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Омск 2001

ИНФОРМАЦИЯ О РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОИСКИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ"

Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. – 234 с.

ISBN 5-8268-0537-4

В данном сборнике публикуются материалы конференции "Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей" – информация о конференции и тексты сделанных на ее заседаниях докладов.

Редакционная коллегия: канд. искусствоведения, докторант Н.В. Леонова; ак. АГН, докт. филол. наук, проф. Т.Г. Леонова (отв. редактор); канд. филол. наук, докторант В.А. Москвина; канд. ист. наук, ст. науч. сотруд. Е.Ю. Смирнова.

Книга издана Омским государственным педагогическим университетом при финансовой помощи Федеральной целевой программы "Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки".

ISBN 5-8268-0537-4

© Омский государственный педагогический университет, 2001.

25–27 октября 2001 г. в г. Омске состоялась научно-практическая конференция "Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей", проведенная совместно Омским государственным педагогическим университетом, работающим на его базе Сибирским региональным вузовским центром по фольклору и Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. Конференции была оказана организационная поддержка Фольклорной комиссией вузов России, финансовая – Федеративной целевой программой "Интеграция".

Подготовка и проведение конференции осуществлено Оргкомитетом в следующем составе:

Т.Г. Леонова – руководитель Сибирского регионального вузовского центра по фольклору, акад. АГН, д.ф.н., проф. кафедры русской и зарубежной литературы ОмГПУ, *председатель оргкомитета.*

Е.Ю. Смирнова – к.и.н., с.н.с. сектора этнографии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, *заместитель председателя оргкомитета.*

В.А. Москвина – к.ф.н., докторант кафедры русской и зарубежной литературы ОмГПУ, *ответственный секретарь оргкомитета.*

Члены оргкомитета:

В.М. Гацак – председатель Фольклорной комиссии вузов России, чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф., заведующий сектором фольклора ИМЛИ РАН.

О.П. Коломиец – аспирантка кафедры этнографии ОмГУ.

И.Ю. Морозов – к.п.н., доц., декан филологического факультета ОмГПУ.

С.А. Охтеня – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы ОмГПУ.

Н.Н. Репнякова – ст. преп. кафедры иностранных языков второй специальности ОмГПУ.

Н.А. Томилов – акад. АГН и АСН, д.и.н., проф., зав. кафедрой этнографии ОмГУ, директор Омского филиала Объединенного

преодоления религиозного и этноконфессионального экстремизма. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Курган, 2000.

⁴ Лазарев А.И. Трудные темы изучения фольклора. Учебное пособие. – Челябинск, 1998.

Е.И. Жимулева

Новосибирск, консерватория

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ В СИБИРСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ (ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В Сибири получил широкое распространение святочный обычай христославления на Рождество, имеющий много общего с обрядом колядования. Общее проявляется в структуре обоих явлений, их приуроченности к календарному празднику и поздравительной функции, присутствующей в каждом из них. Отличаются же эти два явления народной культуры тем, что традиция рождественского христославления сформировалась в тесном контакте с церковной практикой в гораздо более поздний период, чем древний славянский обряд колядования. Обычай христославления наряду с фольклорными элементами (поздравления, колядки, шуточные просьбы и угрозы) вобрал в себя канонические жанры рождественского богослужения (тропарь, кондак, ирмос 1-й песни канона). Выявлению трансформаций словесного ряда песнопений в фольклорных вариантах и посвящается настоящая работа.

Тропарь является самым устойчивым элементом, ядром рождественской славы, обязательно присутствует во всех ее образцах. Больше, чем в половине случаев за тропарем следует другой канонический жанр – кондак. Трижды встречается ирмос первой песни рождественского канона, предваряющий пение тропаря.

Для анализа словесных изменений были составлены сравнительные таблицы. Каждый текст построчно записан в вертикальной колонке, сначала (в крайней левой колонке) канонический вариант, далее – фольклоризованные тексты с указанием места записи. Строки фольклорных версий соответствуют по горизонта-

ли строкам канонического образца. Подобная методика сличения текстов описана Д.С. Лихачевым [1], отличие же данных таблиц в том, что тексты сравниваются не столько между собой, сколько с их каноническими первоисточниками.

В результате проведенного анализа тропаря можно разделить тексты по степени сохранности на полные, где присутствуют все семь строк (15 образцов), тексты с пропуском отдельных строк (девять образцов) и пять неоконченных текстов. Среди последних выделяются тексты, совмещающие строки тропаря и кондака (три случая) и брошенные, недопетые тексты, встречающиеся дважды. В вариантах тропаря с пропущенными строками всегда сохраняются две начальных и две заключительных строки, средние же строки могут выпускаться, что связано, по-видимому, с особенностями механизма запоминания, а также с возможной неясностью смысла последних строк. Соединение строк тропаря и кондака скорее всего можно объяснить частичной утратой в памяти исполнителей текстов обоих канонических жанров, и, вероятно, своеобразной интерпретацией того, что сохранилось. Недопетые варианты возникают в результате несоответствия слов и музыки (исполнители ощущают, что поют канонический текст на неподходящий для него напев и обрывают пение).

В ходе дальнейшего текстологического анализа становится ясно, что расхождения между каноническим первоисточником и его фольклорными вариантами присутствуют практически во всех зафиксированных образцах тропаря, проявляясь на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Фонетические изменения, совершаемые неосознанно и не влияющие на смысловое наполнение текста, касаются, в основном, слов первой строки ("Ражество" вместо "Рождество", "Твое" вместо "Твое" и т.п.), слов "возсия" ("воссия"), "учахуся" ("чахуйся"), "Тебе" ("Тибе"), а также окончаний некоторых других слов ("служажую" вместо "служажии"). Эти изменения связаны с влиянием норм бытовой речи и, возможно, с диалектными особенностями произношения.

Морфологические изменения встречаются наиболее часто. Перечислим основные трансформации слов: "мирови">"мира", "миру"; "звездам">"звезда", "звездой", "звезды"; "служажие">"служажее", "служажийся", "служба"; "учахуся">"исчахуся", "чахуемся"; "кланятися">"кланяемся"; "видити">"видим" и др. Подобные изменения можно объяснить стремлением приблизить церковно-

славянские формы слов (смысл которых чаще всего достаточно ясен) к их современным вариантам. В шестой строке слово "ведети" изменяется одновременно морфологически и лексически ("ведети" > "видим"), происходит омонимическая замена слова "ведать" ("познать") на "видеть". В некоторых случаях форма слова не меняется ("ведети" > "видити"), но переосмысление слова присутствует практически всегда.

В тексте встречается еще одна устойчивая омонимическая замена: "в нем бо" ("через него") > "в небо", употребляемая во всех образцах. Видимо, в подобных случаях мы сталкиваемся с проявлением "народной этимологии", при которой малоизвестные слова "подвергаются переделке и переосмыслению вследствие сближения с созвучными знакомыми словами" [2], получая при этом новое значение. Единоразы появляется смысловая замена, трансформирующая всю строку: "небо звездой светящая" (ср. "в нем бо звездам служащая"). Очевидно, что подобные лексические изменения происходят от желания осмыслить текст, "перевести" его на "свой", более понятный язык, а также свидетельствуют о частичной утрате для исполнителей смысла, заложенного в каноническом жанре.

Вероятно, с той же целью интерпретации текста появляются вставные слова ("Мы Тебе кланяемся", "небо со звездой служащие", "возсия всех миру разума" и др.), которые как и морфологические изменения, встречаются во второй-шестой строках (т.е. в строках, понимаемых не так однозначно, как крайние). Обращает на себя внимание также употребление в отдельных случаях слов в форме, не согласующейся с окружающими словами ("Солнца правдой"). Скорее всего это происходит вследствие механического воспроизведения не вполне понятного текста.

Из имеющихся 16 образцов кондака десять оказались сохранившимися полностью (присутствуют все шесть строк), три текста неокончены (не хватает от двух до четырех последних строк), в одном тексте кроме отсутствующей последней строки пропущены вторая и третья. Встречается также сжатие двух строк в одну ("Дева днесь Присущего ... приносит") и совмещение строк из тропаря и кондака.

Анализ фольклорных вариантов кондака обнаруживает значительное количество фонетических изменений в образцах этого жанра. Они касаются, в основном, трудно проговариваемых слов церковно-славянского языка, приближая их к более современным

по звучанию. Таковы изменения в словах "волсви" > "волхвы" (наиболее часто встречающийся вариант), а также – "волгифи", "волше", "волжи"; один раз сохраняется первоначальный вариант слова. Подобные изменения происходят в словах "пастырьми" > "пастрими", "пасторми", "пастрими", "превечный" > "предвечный", "превешный", "превечная", "преувечный", "Пресущественнаго" > "Присущественного", "Пресущественного". В отдельных случаях, возможно, свою роль сыграли диалектные и индивидуальные особенности произношения ("Отроча" > "Вотроча"; "младо" > "младом"; "путешествуют" > "патешстваит"). Описанные фонетические изменения не влияют на смысловую нагрузку слов, значения которых исполнителям вполне ясны.

Морфологические изменения, возникающие, очевидно, так же из-за трудности произношения некоторых слов, в основном сконцентрированы в первой строке. Активно преобразуется уже упоминавшееся слово "Пресущественнаго" > "Пресущественного", "Пресущаго", "Присущего". Изменяется и следующее за ним слово "рождает", превращаясь в "рождается" ("рождаится", "рождайтца") и "рожда", что можно объяснить его механическим, не вполне осмысленным проговариванием. Вероятно, по той же причине дважды меняется и слово "приносит" > "приносится" во второй строке, образуя при этом рифменное соотношение с предшествующим ему глаголом ("рождается" – "приносится"). Более современную форму приобретает слово "родися" > "родился", достаточно часто встречающаяся в таком виде в предпоследней строке. Напротив, в двух случаях звучание слова становится более архаичным по отношению к первоисточнику (ср. "славословят" > "словослове", "словословью"). В ряде слов меняется число с множественного на единственное: "волсви" > "волхвий", "ангелы с пастырьми" > "ангел с пастырем".

Так же, как и в тексте тропаря, в отдельных случаях морфологические изменения смыкаются с лексическим переосмыслением слов. Примером здесь служит слово "нас", превращающееся в "наш", меняя тем самым смысловые акценты заключительного предложения.

Среди лексических преобразований можно выделить две устойчивые омонимические замены. Первая из них представляет собой переосмысление частицы "бо" (церк.-слав. "ибо") в слово "Бог". Несмотря на то, что при этом возникает неоправданное повторение этого слова в одном предложении дважды, описанная

смысловая замена производится очень уверенно и встречается абсолютно во всех фольклорных вариантах кондака.

Если в первом случае изменение все же близко по звучанию к первоисточнику, то во втором – присутствует более глубокое преобразование канонического текста. Во второй строке достаточно часто (10 раз из 16) происходит трансформация словосочетания "вертеп Неприступному" в "вертепному преступному" ("приступному"). Очевидно, народное сознание в данном случае вкладывает в слово "вертеп" совсем иное значение, чем оно имеет в церковнославянском языке, а именно "вертеп" как "скрытый притон", "вертеп разбойников" вместо более раннего, забытого значения "вертеп как пещера". Образую вместе с измененным словом "Неприступному" > "пре/иступному" новое словосочетание, меняя при этом смысл всей фразы, народное мышление заметно драматизирует содержание канонического текста, вносит в него яркие контрасты, возникающие при сопоставлении "Девы" (1-я строка) и "ангелов" (3-я строка) с чем-то "вертепным преступным". В то же время, вторая строка становится незаконченной, неясной по смыслу, из чего можно сделать вывод, что здесь наряду с явлением народной этимологии присутствует и просто механическое проговаривание слов. Можно предположить, что исполнители примерно представляют себе значение каждого слова, но полностью не вникают в смысл всей фразы. К лексическим изменениям относится также единожды появляющаяся замена слова "днесь" на "здесь", что объясняется сходством звучания этих слов и, возможно, желанием конкретизировать происходящие рождественские события.

Кроме описанных трансформаций, возникающих в результате переосмысления текста в народном сознании, существуют замены, пропуски, добавления и искажения слов, явно связанные с утратой первоисточника из памяти исполнителей.

В целом нужно заметить, что количество изменений, связанных с неясностью значения отдельных слов, с плохой сохранностью текста кондака, больше, чем в фольклорных вариантах тропаря. Это, а также меньшее число образцов кондака, обнаруженных при сборе материала, свидетельствует о большей утрате этого песнопения из памяти исполнителей, чем текстов тропаря, поскольку кондак, очевидно, считался менее важной частью рождественского обычая, основной же составляющей частью христославления был тропарь.

Текстологический анализ ирмоса ограничен крайне скудными материалами (три текста, один из которых записан не полностью). Очевидно, это говорит о малой распространенности песнопения в фольклорной среде. При рассмотрении имеющихся текстов можно отметить сходные с вышеописанными процессы, связанные с фонетическими и морфологическими изменениями. Так, слово "срящите" звучит как "сряшуте", "прославися" > "прославился", "веселием" > "весельё/я". Встречаются также пропуски, добавления и перемещения слов из одной строки в другую, сжатие двух строк в одну. Смысловые трансформации отсутствуют, так как текст ирмоса более однозначен по содержанию, чем тексты тропаря и кондака.

Таким образом, можно сделать вывод, что при определенной сохранности текстов рождественских песнопений в памяти исполнителей, в них присутствуют различного рода изменения, обусловленные двумя параллельно идущими процессами: частичной утратой текста, забытостью первоначального смысла, вложенного в канонический первоисточник, и стремлением переосмыслить, своеобразно интерпретировать текст, приближая его к современному звучанию и пониманию. Кроме того, свой отпечаток накладывает манера произношения и связанные с ней фонетические изменения, обусловленные фольклорной средой бытования церковного жанров.

Литература

1. Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVIII веков. – Л., 1983. – С. 178–179.
2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М., 1999. – Т. 1. – С. 17.